

Тыкабрь сорок первого года. Наша 339-я стрелковая дивизия, преследуя отступивших из под Ростова гитлеровцев, входит в Матвеев Курган. Мы пытаемся продвинуться за Миус, но встреченные шквальным огнем с высот, залегая в домика. Вечером комбат Илл Зайцев отводит стрелковые роты к реке, приказывает резерву:

— Разместитесь поближе к передовой, где-нибудь в тех домиках, — указывает в сторону улочки, что идет вверх.

Поселив часть бойцов в двух первых мазанках, подхожу к третьей. Ее крыша вздержена, стены в полплинах. Хозяйка объясняет, что немцы перед бегством пытались поджечь хибарку.

— Слава богу, пламя удалось потушить, ведь у меня вон сколько помощников.

В хатке ютятся беженцы, эвакуированные из Искова. Я хочу повернуть, поискать другое жилье, но хозяйка останавливает:

— Да куда же вы, сынки? Оставайтесь. В тесноте, да не в обиде. Наташа, выйди, займи гостей музыкой!

Появляется девушка с патефоном. Бойцы втискиваются в прихожую и кухню...

Вот так, полвека назад я оказался под крышей домика 69. Хозяйку звали Лукерья Григорьевной Акименко. Муж ее и дочь находились на фронте.

— Что с ними? Никаких вестей, — всплакнула женщина, укрывая одеялом уснувших автоматчиков...

Мы находились в хатке гостеприимной хозяйки почти четыре месяца. Тесно, но было, потому что большая часть людей находилась в

деле. Возвращались бойцы смертельно усталые, продрогшие. Но в хатке жарко пылала плита, а на столе дымился борщ. Не обходилось без раненых. Переживала Лукерья Григорьевна. Открывала сундук, доставала последние чистые прос-

пать, спихнете немца, погоните отсюда. Так зачем же мне выезжать?

Мы не «спихнули» немца в том марте с миусских высот. Сил, опыта было мало. Это сделали другие солдаты в сорок третьем...

Огненный вал войны от-

К 47-й ГОДОВЩИНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАЙОНА

ТЕПЛО
РОДНОГО
ДОМА

ТВОИ СОЛДАТЫ,
МИУС!

В Матвеев Кургане, на окраине улицы Пионерской, стоит домик под номером 69. Обычный, ничем не выделяется среди остальных. Но для меня этот дом — память.

гитыни, чтобы перевязать рану. Однажды разорвала на бинты самое дорогое — подвенечное платье.

В начале марта, сорок второго под Матвеевым Курганом готовилось большое наше наступление. Я посоветовал хозяйке домика эвакуироваться. Лукерья Григорьевна наотрез отказалась.

— Вы же будете насту-

катился на запад. Пришла победа. Преобразился Матвеев Курган. Всюду — пьез. Лишь где-то на окраине сохранились старые мазанки. Они тоже подновлены, побелены. Но тронь штукатурку — и под ней — шрамы — следы осколков. Т.ков и домик №69 по Пионерской улице. Домик моей фронтовой юности. Когда подхожу ближе, то ус-

коряю шаг. Но нет уже прежней хозяйки, — Лукерья Григорьевна умерла. Встречает меня дочь ее, Мария Никифоровна, участница Сталинградской битвы. Такая же приветливая, как и мать. И кажется мне: — вот-вот в домик войдут комбат Зайцев, артиллерист Демченко, автоматчик Хамзет Капов. Кажется, девушка Наташа вынесет из смежной комнаты патефон, поставит пластинку и хату наполнит грустная песня ямника.

..Под крышей дома отгрохались черкесы и адыгейцы, азербайджанцы и грузины, украинцы и русские. Но никаких ссор не было, парило дружелюбие. Перевязывали друг другу раны, выносили из-под огня. Черкес Капов прикрыл меня от разрыва снаряда. Он до сих пор носит осколок в груди. Недавно я побывал у него в гостях. О чем же мы вспоминали из-под черкесского аула? О Миусе, и Матвеевом Кургане. Хамзет освещал в памяти случай. Надо было идти в боевое охранение, а у него прохудился сапог. Лукерья Григорьевна сняла свои валенки.

— Возьми, вон какой мороз. Продрогнешь в окопе. Хамзету так по душе прилились валенки, что он решил их купить.

— Да что ты, сынок, выдумал! — всплеснула руками женщина. — Не надо мне денег, носи так.

Добро не забывается. Помнят о доме солдаты Миуса. Приезжают в Матвеев Курган и спешат на улицу Пионерскую.

А. ГОЛУЗОВ,
бывший командир роты автоматчиков.